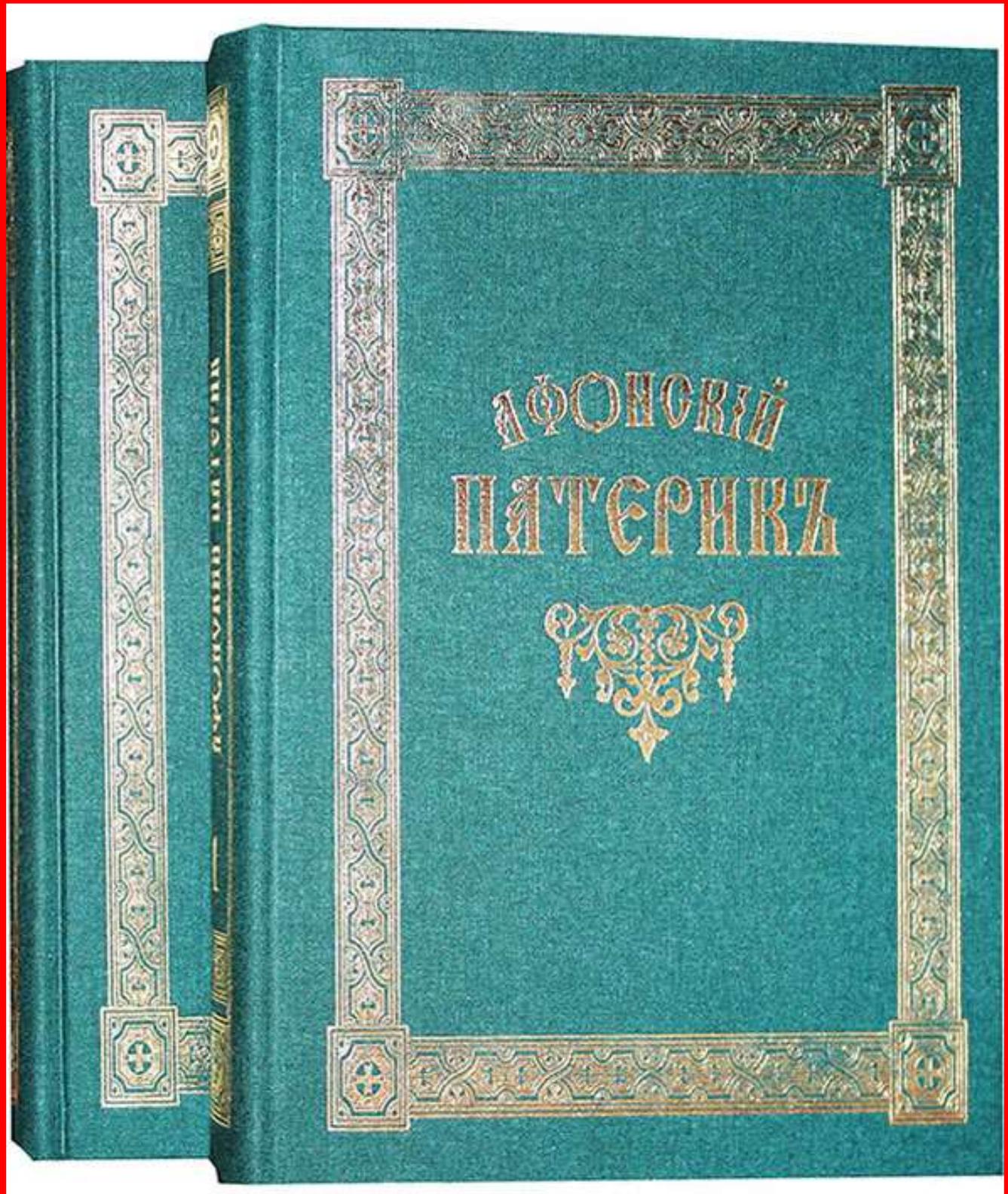

TEZAUUR LITURGIC

**PATERICUL
ATHONIT
I**

SF.PANTELIMON-ATHOS,2002

19 АПРЕЛЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Симеона Босого, Нового Чудотворца¹¹⁴

Преподобный Симеон происходил из духовного звания. Отец его Андрей был священник. Когда Симеон достиг отроческих лет, тогда он был отдан в научение грамоте, в которой оказывал быстрые успехи, так что все знавшие его дивились быстроте ума и прекрасным способностям юного отрока.

На 15-м году от рождения Димитриадский епископ Пахомий взял его к себе в епископию и впоследствии постриг в монашество и рукоположил в сан иеродиакона. Впрочем, Симеон долго не оставался при епископе Пахомии, так как мысль влекла его в уединение. А потому, открыв свои мысли, так же, и желание, епископу, он просил его отеческого совета. Епископ, видя сердечное его стремление, не препятствовал его намерению и, давши ему напутственное благословение, отпустил с миром.

Первоначально юный подвижник поселился на Олимпийской горе, в монастыре Икономион, близ Киссары. Здесь он начал проводить самую строгую и суровую жизнь, подвизаясь в посте,

бдении и молитве, а для смирения плоти и лишения себя сладкого сна клал на ложе свое камни и таким образом вскоре возвысился на высоту добродетелей.

Проживши несколько времени в этой обители, он пожелал видеть великих подвижников, а потому, оставив Олимпийскую гору, отправился на Афон, где поступил в братство лавры преподобного Афанасия. Высокая жизнь Симеона скоро обратила на себя внимание лаврского начальства, которое сочло нужным произвести его в сан иеромонаха. Здесь, в лавре, будучи еще в сани иеродиакона, преподобный Симеон выказал особенную черту смирения, каким наполнена была блаженная его душа. Так, однажды некто из братии, желая испытать его, точно ли он смиряется ради Бога, сказал ему:

– Отец Симеон! Ах как красивы твои волосы и как они прекрасно у тебя лежат на голове!

Преподобный Симеон, не сказав ему ни слова, удалился в свою келью, остриг оные и при встрече с оным братом отдал ему их, говоря:

– Брат, возьми мои волосы, если они тебе очень понравились.

Из лавры преподобный Симеон перешел в Филофеевскую обитель. Здесь он еще строже начал проводить подвижническую жизнь; притом и братия, видя в своей обители такого

светильника, начали питать к нему глубокое уважение, а впоследствии стали убедительно его просить быть их руководителем в духовной жизни и настоятелем. Преподобный Симеон, по глубокому своему смирению, отказывался от этого великого дела, но, видя усиленное их прошение и любовь, согласился быть их пастырем и наставником. Ненавидящий же добро злобный диавол, не желая, чтобы все братство имело единогодушие и мирное душевное устройство, возмутил более слабых против преподобного, посеяв в них к нему ненависть, которые с этого времени начали на преподобного клеветать и распространять о нем худую молву. Святой, видя, от кого все это зло исходит, стал вразумлять ропотников не подчиняться помыслам, всеваемым им от лукавого врага, но подражать более благоразумным; между тем, они не только не вразумились, но еще сильнее стали укорять его. Итак, преподобный, видя ожесточение их сердец и давая место гневу, оставил Св. Гору и отправился на гору Фламурия, смежную с Загорой. Здесь он начал проводить жизнь подобно безплотным ангелам, ни о чем не заботясь: жилищем себе избрал яблоню, под которой без покрова, одежды и босой жил зиму и лето. Спустя три года его нашли здесь некие

боголюбцы, которые, удивляясь его отшельнической жизни и во всем лишении, возгорелись духом и сами пожелали ревновать ему в духовной жизни, а потому стали просить святого принять их к себе в сожительство. Долго преподобный Симеон не соглашался принять их, устрашая их теми трудами и лишениями, которые сопряжены с отшельнической жизнью, но они не страшились этого и со слезами просили его благословить их поселиться возле него.

Мольбы усердных боголюбцев смягчили преподобного, и он согласился. В тот же день сии боголюбцы начали строить себе соломенные каливы, а чрез некоторое время еще пришли двое усердствующих и ищущих уединенной жизни, они тоже поселились возле преподобного. И таким образом в этом маленьком ските собралось братии семь человек, которые для своего пропитания начали заниматься хлебопашеством и делать небольшие посева.

С поселением возле преподобного Симеона братии молва о его богоугодной жизни начала распространяться во всей окрестности, вследствие этого к нему начали приходить благочестивые христиане: некоторые за советами, а иные только за тем, чтобы увидеть

лицо его и принять от преподобного благословение.

Спустя семь лет преподобный Симеон построил в своем ските небольшую церковь во имя св. Живоначальной Троицы, в которой каждодневно сам совершал Божественную литургию. Вскоре после построения церкви начали приходить к нему священники и диаконы и, видя равноангельскую его жизнь, оставались на жительстве возле него, и таким образом мало-помалу составилась киновия.

Устроив в своей киновии порядок и чиноположение и вместо себя поставив братии другого начальника и руководителя, он отправился в Эпир и потом в Фессалию, где проповедовал слово Божие: колеблющихся в вере утверждая, сомневающих уверяя, твердых в вере подкрепляя, убеждал любить друг друга, чтить воскресные и праздничные дни и посещать для молитвы церковь Божию. Отсюда преподобный отправился в Афины, где по данной ему от Господа благодати исцелял различные болезни и изгонял нечистых духов. Здесь он с благословения афинского епископа Лаврентия каждый воскресный и праздничный день поучал людей благочестивой и целомудренной жизни. Из Афин он пошел в Эврип, где также, как и в

Афинах, проповедь святого утверждалась чудесами, вследствие чего все эврипские христиане начали питать к нему глубокое уважение и почитали его как великого угодника Божия.

Турки, проживающие в Эврипе, видя благоговение, оказываемое христианами преподобному Симеону, будучи подстрекаемы дьяволом, оклеветали его пред градоначальником Эврипа в том, будто бы он порицает всех мусульман, называя веру их ложной, а пророка Магомета проклинаяет, и что угрожает опасность, как бы на самом деле этот человек не обратил эврипских турок в христианскую веру. Выслушав донос, градоначальник немедленно послал кавасов схватить преподобного Симеона, заковать его в цепи и потом отвести на площадь для публичного сожжения.

Когда привели преподобного Симеона на площадь и начали собирать в костер дрова, тогда и он в оковах начал помогать туркам и класть дрова. Видя это, державший его за цепь сказал ему:

– Отец! Ведь этот костер готовится для тебя, так как градоначальник приказал сжечь тебя.

– Ну что же, – отвечал святой, – если есть на это воля Божия, то я от души желаю пострадать за исповедание имени Его Святого!

Этот разговор подслушал один христианин-араб, который пригласил с собой несколько благочестивых женщин, с которыми немедленно пошел к матери градоначальника и убедительно просил ее, чтобы она умолила сына не предавать преподобного смерти. Мать градоначальника, движимая чувством сострадания к невинности святого, тотчас пошла к своему сыну и стала просить его не делать никакого зла оклеветанному невинно иноку и не брать на свою душу греха в его смерти.

– Что за грех, – отвечал градоначальник, – если я приказал сжечь порицателя нашей веры и совратителя наших правоверных в христианскую веру!

– Все это ложь, сын мой, – отвечала ему мать. – В таком случае, если ты сделаешь ему какое-либо зло, то знай, что я сама предаю себя смерти. А ты лучше призови того несчастного человека и подробно расспроси его обо всем, и тогда, уверяю тебя, ты сам увидишь, что напрасно осудил на смерть невинного человека!

По уходе матери градоначальник с другими сановниками рассудили, что, действительно, он поступил несправедливо, и решили призвать

преподобного Симеона и спросить о доносе его самого. Тогда послан был нарочный на место казни и преподобного Симеона в оковах привели к градоначальнику, который, увидя кроткое лицо его, босого и почти нагого, в одной только ветхой рясе, невольно почувствовал к нему расположение, а потому ласково и тихо спросил его:

– Мне донесли, что ты совращаешь турок от верования в Магомета и предлагаешь им принять христианскую веру, правда ли это?

– Я пришел сюда не турок обращать в христианство, а напротив, утверждать христиан в вере в Иисуса Христа, и учу их тому, что повелевает Евангелие, – отвечал препод. Симеон.

– А чему учит Евангелие? – опять спросил его градоначальник.

– Оно повелевает не красть, жить в чистоте, не желать ничего чужого, любить друг друга, платить царские подати, твердо хранить свою веру, почитать воскресные и праздничные дни.

Градоначальник, выслушав его с любопытством и не видя в нем той виновности, в которой его оклеветали, повелел освободить его.

После этого преподобного Симеон еще с большим дерзновением стал проповедовать слово Божие. И таким образом обошедши

многие города и селения, он возвратился в основанную им во Фламурии киновию. Но, однако, к прискорбию своих учеников, он недолго пробыл с ними: душа его по великой любви к ближним желала питать словом Божиим тех, которые оного требовали, между тем как ученики его, уже преуспевшие в добродетельной жизни, сами могли утверждать словом Божиим не только себя, но и других, а потому он, простившись с ними, отправился в Константинополь, где был ласково принят Константинопольским патриархом, который с любовью позволил ему беседовать с народом и утверждать оный непоколебимо и твердо хранить веру в Господа нашего Иисуса Христа. И таким образом ревнитель заповедей Господних неутомимо начал беседовать с народом, не только в церкви, но и на площадях. Народ с благоговением внимал учению преподобного, так что многие спешили исповедать ему свои грехи и получить чрез него разрешение; другие же везде следовали за ним, слушая его душеспасительные беседы и, сделавшись его учениками, приняли от руки его пострижение в ангельский образ.

Наконец, после многолетней и неутомимой проповеди, он мирно отошел в небесные обители; святое тело его патриарх с

честью похоронил в Халках, в храме Пресвятой Богородицы.

Спустя два года после блаженной кончины преподобного Симеона иноки Фламурийской киновии, в одно время бывшие в Константинополе по монастырским делам, пожелали перенести мощи своего отца и наставника из Халок в созданную им киновию. Для этого они испросили у патриарха разрешение. Патриарх, видя любовь учеников к своему учителю, порадовался и приказал им невозбранно взять их и перенести в свою обитель.

Изготовив новый ковчег, киновийцы пред отбытием своим пришли в Халки и когда открыли гроб преподобного Симеона, то от мощей его разлилось ароматное благоухание; и все больные, которые прикасались к ним и лобызали, получали исцеление. Из числа многих приведем здесь следующий случай.

В то самое время, когда открыли гроб святого, один ремесленник, издавна страдая чахоткой, которая уже приходила к окончанию и готова была похитить свою жертву, лишь только облобызал главу преподобного, как тотчас кашель прекратился и мокрота остановилась, и он сделался совершенно здоровым. Впоследствии он за свое исцеление в

благодарность сделал раку для св. мощей своего целителя.

По принесении мощей преподобного Симеона в его обитель оные были с честью положены и чтимы не только иноками его обители, но и теми благочестивыми христианами, которым он проповедовал слово Божие.

Нельзя умолчать еще об одном чуде, бывшем от мощей преподобного. Однажды иноки его обители, отправляясь для сбора милостыни по обыкновению тамошних монастырей, взяли с собою в ковчеге палец преподобного Симеона. Дойдя до крепости Орейской, здесь они встретили одного больного, страдавшего опухлостью тела, который, узнав, что при них есть часть мощей преподобного Симеона, просил их прийти в его дом и отслужить молебен. Иноки пришли в его дом и, освятив воду, повелели больному облобызать св. мощи и напиться освященной воды. Лишь только больной все это исполнил, как вдруг из всего его тела истекла зловонная материя, и он вскоре совершенно выздоровел. Видя себя исцеленным, бывший больной в благодарность своему целителю отписал в полное владение его обители все свое имение, а сам, принявши иноческий образ, остальное время жизни провел в оном в добродетельной жизни.

Молитвами преподобного Симеона, Христе Боже, исцели и наши душевные и телесные болезни и удостой нас части преподобных Твоих. Аминь.

**Житие и страдание святого
преподобномученика Агафангела
Есфигменского¹¹⁵**

Сей ангелоименитый святой мученик Агафангел был родом из города Эноса, Фракийской области. Родители его были православные христиане – отец Константин, а мать – Кристаллия. Во святом крещении Агафангел назван был Афанасием. Кроме Афанасия, у Константина было еще трое детей. Оставшись после смерти отца сиротой, Афанасий для прокормления себя с семейством поступил в службу к одному моряку, по имени Анастасию, и вскоре сошелся с ним настолько, что даже сделались неразрывными друзьями, и неразлучно был с ним во всех плаваниях. Однажды случилось Анастасию с Афанасием служить по найму на турецком корабле. Когда кончился срок, Анастасий, получивши расчет, оставил корабль, но Афанасия капитан корабля турок Мехмет удержал и разными угрозами заставил остаться на корабле. Конечно, Афанасий, бывши застрашен капитаном и боясь, чтобы он не сделал с ним чего-либо

худшего, так как в то время самоправность турок над христианами не имела никаких границ, безпрекословно остался жить у него. Прошло несколько времени, Афанасий оказался честным и хорошим работником; вследствие этого хозяин его возымел намерение обратить его в мусульманскую веру и потом, усыновив, сделать своим наследником. Но почему-то не вдруг приводил свое желание в исполнение, а отлагал год за годом, и таким образом прошло несколько лет. В одно время плыли они на корабле из Константинополя в Смирну, в числе пассажиров был смирнский судья, который, видя расторопность и услужливость Афанасия, советовал Мехмету склонить его принять мусульманскую веру. Этот вражеский совет еще более усилил давнишнее его желание обратить Афанасия в мусульманство, хотя бы даже насильственным образом. Когда они приплыли в Смирну, то, вероятно, сердце Афанасиево предчувствовало, что Мехмет замышляет против него что-то недоброе, а потому потребовал он от него расчет. Злобный турок, не желая выпустить из своих когтей намеченной им жертвы, однажды вечером решил привести в действительность свое намерение, для чего избрал самую полночь. Он взял с собой Афанасия с зажженным фонарем проводить его

в другую часть города, и таким образом они, пройдя городские улицы, вышли за город; здесь Мехмет вдруг выхватил из-за пояса кинжал и им легко ранил Афанасия; потом, приставивши его к горлу несчастного юноши, угрожал его зарезать. Изумленный Афанасий не знал, чему приписать подобную выходку своего хозяина, начал его умолять и просить пощады, выставляя на вид все свои труды и услуги. Но варвар грозно отвечал ему: не оставляю тебя в живых, если ты не согласишься принять мусульманскую веру.

Убоявшись угрожаемой смерти, Афанасий решился принять мусульманскую веру; при этом он в успокоение своей совести думал: я на словах изъявляю согласие, чтоб только не убил меня злодей, а завтра отрекусь от своего слова и убегу от него. Но диавол, ищущий погибели человеческой души, разрушил мечты Афанасия, так как Мехмет, видя его согласие, тотчас пошел в судилище и просил немедленно разбудить судью, того самого, который плыл на корабле, и посоветовал ему обратить Афанасия в мусульманскую веру. Судья не заставил себя долго ждать и, узнав, в чем дело, обрадовался и потребовал от Афанасия отречения от христианской веры. Но и здесь отверженник, думая обмануть самого себя, сказал своему

помыслу: «Что же? Теперь я на словах отрекусь от Иисуса Христа, а потом в сию же ночь убегу и где-нибудь скроюсь». И таким образом он сознательно отрекся от истинной веры, променяв оную на ложную.

Но, однако, Афанасий ошибся в своих расчетах, ибо с произнесением исповедания мусульманской веры свобода его была стеснена и его никуда не отпускали до тех пор, пока не совершили над ним обрезания.

Спустя несколько времени несчастный отступник заболел. В это время он пришел в раскаяние, начал скорбеть о потере христианской веры и страшился, чтобы смерть не захватила его отверженником. Но Всемогущий Бог не хотел смерти грешника и как чадолюбивый Отец, долготерпя и ожидая обращения грешника, подал ему руку помощи и воздвиг его от одра болезни. Афанасий, с дозволения своего господина, отправился на родину. При свидании с родными он накопленные им деньги разделил между ними но, однако, это доброе его дело не обошлось без ссоры, так как диавол, противник мира и согласия, боялся, чтобы попавшаяся в его когти добыча почему-либо не ускользнула; для этого он смутил его родных и произвел из-за разделенных между ними денег ссору. Эта ссора ожесточила

отверженника настолько, что он, однажды придя в суд, выправил себе там свидетельство такого рода, что он навсегда разрывает родственные связи со своими родными и чтобы они в случае его смерти не имели права владеть движимым и недвижимым его имуществом.

Чрез эту ссору диавол достиг того, что отверженник при ожесточенном сердце не имел возможности подумать о гибели своей души. Гнев, кипевший в его сердце, затушил все доброе и не давал ему опомниться. После этого он возвратился в Смирну к своему господину, но за что-то поссорившись с ним и будучи им обижен, бежал он него и с этих пор мало-помалу он начал приходить в себя и сознавать глубокое свое падение.

Скитаясь по разным городам и селениям, он претерпевал всякого рода лишения, боясь притом попасть в руки правосудия, так как господин его во время его бегства оклеветал его в краже у него значительной суммы денег и, взяв от начальства позволение, начал везде искать его. Афанасий же, боясь быть узванным и чтобы обезопасить себя от преследования, не стал называть себя мусульманским именем и, переодевшись в нищенскую одежду, благополучно пришел на св. Афонскую Гору, где несчастный отверженник думал найти

истерзанной и измученной своей душе покой. Обошедши обители на Святой Горе и исповедавшись многим духовникам в своем падении, он наконец поселился в Есфигменской обители, где, по присоединении его к православной Церкви, игумен, по имени Евфимий, отдал его под руководство опытному старцу иеромонаху Герману¹¹⁶ и повелел ему прислуживать братии в трапезе, что Афанасий исполнял с великим усердием. С течением времени сердце его, до этого холодное, согрелось, вследствие чего явилось у него раскаяние, и он отречение свое от Христа начал заглаживать покаянием, проводя время во бдении, молитве и коленопреклонениях, и, таким образом, спасительным покаянием залечивал свои душевные раны, нанесенные ему диаволом. При этом родилось у него желание исповедать пред мусульманами христианскую веру и очистить свое падение мучением. Диавол, видя душевное его устройство и желая поколебать твердость подвижника Христова, начал смущать его разными помыслами и мечтаниями. Так, однажды, Афанасий видит во сне, будто он находится в одной известной ему кофейне. Содержатель кофейной, бывший ему хорошим знакомым, стал с презрением от него отворачиваться. Между посетителями были тоже

знакомые Афанасия, которые, видя холодность содержателя к старому другу, сказали ему:

– Что это такое значит, что ты не хочешь взглянуть и приветствовать своего друга?

Тогда содержатель обратился к Афанасию и сказал:

– Друг мой! Что это с тобою сделалось? Твое поведение становится для меня непонятным: что именно заставило тебя бежать от твоего доброго господина и поселиться со злыми монахами, где тебя ожидают разные лишения и бедствия? Притом какую горькую скорбь ты нанес, так как мы всеми силами старались оградить тебя всевозможными благами, и вот вместо благодарности ты с презрением оставил нас и поселился со смертельными нашими врагами?

Говоря это, бывший друг Афанасия, а также и все товарищи зарыдали. Видя слезы друга, Афанасий и сам расстроился и заплакал. В это время удар полуночного колокола возвестил об исполнении келейного правила, и бесовское мечтание исчезло. Как только Афанасий пробудился, то на самом деле увидел свои глаза заплаканными, чему немало удивлялся. Когда же он вышел из кельи, то увидел человека, сидящего на морском берегу и бросавшего в воду камни. Афанасия удивило столь позднее

сидение на берегу человека, и он, как бы спрашивая, сказал про себя:

– Зачем бы это нужно было этому человеку ночью сидеть вне монастыря?

Но в это время человек, сидевший на берегу, приблизился к Афанасию и с угрозой сказал:

– А! Тебя-то мне и нужно – ты думаешь, что совсем уже освободился от меня и я тебя оставил? Нет, я не оставляю тебя до тех пор, пока совершенно не сражу.

Говоря это, он швырнул в Афанасия камнем, который пролетел мимо его головы и ударился в стену. Теперь-то Афанасий понял, что значил виденный им сон и что за человек, бросивший в него камнем. Посему он немедленно возвратился в свою келью и, упав на колена пред иконой Спасителя и Богоматери, стал усердно молиться и со слезами просить Бога и Его Пречистую Матерь сохранить его от сетей диавольских. После долгой и усердной молитвы Афанасий ощутил в своем сердце тишину и спокойствие.

Однажды, страдая глазной болезнью, Афанасий был в церкви во время вечернего богослужения, но от сильной боли не мог достоять до конца оною, почему и ушел в свою келью. Здесь он начал укорять себя в нетерпении, говоря: увя мне, несчастному! Когда я не могу терпеливо перенести сей ничтожной боли, то как же буду

терпеть мучение, когда будут мое тело резать или жечь огнем? Так размышляя, он пал на колени пред иконой Пресвятой Богородицы и в продолжение двух часов молился Преблагословенной укрепить его слабые силы и сподобить принять за свое отречение от Ее Сына, Господа нашего, Иисуса Христа мученическую кончину. Вскоре после молитвы он немного забылся и сквозь тонкий сон видит подошедшую к нему Жену, сияющую необыкновенным светом, которая ласково сказала ему:

– Чадо, о чем ты скорбишь и печалишься?

Афанасий отвечал:

– Как же мне не скорбеть, Госпожа моя, когда печаль сокрушает мое сердце за отречение от Господа моего, и хотя я желаю загладить оное пролитием моей крови за Его святое имя, но страшусь, как бы не впасть в малодушие.

– Дерзай, чадо, – сказала ему Небесная Попечительница, – ты получишь желаемое тобой мучение. Иди в Смирну для подтверждения того, что было в Адрианополе, ибо многие из слышавших не верят в те страдания, какие там не так давно претерпели св. мученики. Иди же без отлагательства, так как теперь самое удобное время!

Афанасий, пробудившись, ощутил в своем сердце радость и с благоговением лобызал то место, где стояли пречистые ноги Богоматери. По утру Афанасий рассказал старцу своему Герману все виденное им во сне, но старец, выслушав его, повелел ему быть осторожным и не вдруг верить видениям, так как у диавола сетей много. Это видение Герман передал и игумену, но и игумен счел нужным сообщить оное патриарху Григорию V, жившему в то время в изгнании в Иверском монастыре. Как только Герман пришел к патриарху, то патриарх начал ему рассказывать, как в Адрианополе пострадали некоторые из христиан с таким мужеством и твердостью, что удивили самих мучителей-турок. Выслушав рассказ патриарха, Герман сказал ему:

– Владыко мой! Все то, что ты мне сейчас передал, гораздо ранее сообщено Святой Горе.

Слыша это, патриарх удивился и, между прочим, заметил Герману:

– Этому невозможно быть, так как я сейчас только получил письмо об этом событии.

Тогда Герман начал рассказывать патриарху о том видении, которое удостоился видеть его послушник Афанасий. Патриарх, выслушав рассказ, прославил Бога и Препоблагословенную Владычицу Богородицу и сказал Герману:

– Все виденное – истина и есть от Бога, а не от вражьего наваждения: виденная же Жена есть Пречистая Богородица. Итак, иди с миром и благоразумно наставляй юношу, но при этом скажи ему, чтобы он наступающую святую Четыредесятницу провел в обители и чтобы в это время приготовился на мученический подвиг, а потом пусть идет исповедовать пред врагами Церкви имя Иисуса Христа.

Как только наступила св. Четыредесятница, Герман, взяв с собой Афанасия, отправился в Предтеченский скит к духовнику Никифору, которого просил поместить в своей келье и приготовить Афанасия к мученическому подвигу. Никифор с радостью принял Афанасия и отдал его под руководство опытному старцу Григорию, который имел уже счастье приготовить на страдание четырех мучеников: Евфимия, Игнатия, Акакия и Онуфрия¹¹⁷, будучи для них спутником и утешителем, и потом принес святые их мощи в эту келью, кроме мощей святого Онуфрия, потопленных турками в море¹¹⁸.

Придя в келью духовника Никифора, Афанасий с благоговением лобызал святые мощи преподобномучеников; при этом сердце его разгорелось еще большим желанием пострадать за исповедание имени Иисуса Христа. Но враг,

не желая допустить подвижника Христова получить душевную пользу и укрепление в подвигах от старца, который делом показал свою опытность, возбудил в его соседе по келье зависть, и сей сосед разными коварствами старался вытеснить Афанасия из Предтеченского скита.

Видя коварство соседа, Герман начал порицать завистника за его вражеские действия, но Афанасий умолял старца оставить брату его согрешение и смиренно сказал ему: «Если нам неприятны порицания этого человека, то судя по этому, каким должны казаться пред Богом мои великие грехи?» Старец, слыша от своего ученика смиренный образ мыслей, смягчился и, пренебрегая завистью, они возвратились обратно в свою обитель, где, поместив Афанасия в особую и безмолвную келью, Герман назначил ему келейное правило и умеренный пост, а дабы оный подвижник не впал в уныние, Герман часто навещал и укреплял его в подвигах; притом желая испытать его намерение, он говорил ему о тех ужасах и муках, которые он должен претерпеть пред мучителями. Но Афанасий твердо стоял на своем намерении и просил благословить его на мучение за имя Христова. Конечно, старец, не будучи уверен в твердости своего ученика, отказал ему. Этот

отказ опечалил Афанасия, и он всю ночь горько проплакал, и уже не решался более беспокоить Германа просьбами, а написал ему записку такого содержания: «Отче святой! Тело мое отдаю в полное твое распоряжение, но только до следующего воскресенья. Делай с ним что хочешь и испытай как знаешь. Но в следующее за сим воскресенье, если ты меня не отпустишь на мучение, то я оставляю Св. Гору и пойду в город Энос, где испрошу молитв и благословения у своей матери, и потом отправлюсь на мучение». Прочитав записку, старец посоветовался об этом с игуменом и с общего согласия решился испытать Афанасия более строгой жизнью; для этого заключили его в башню и назначили ему самое строгое правило, в пищу же кроме хлеба и воды другого ничего не давали. К испытанию Афанасия присоединились и козни всезлобного врага, ибо в первую же ночь заточения до его слуха доносились разные голоса, шум и вопли, которые не умолкали во всю ночь. Во вторую же ночь он увидел множество эфиопов, которые бегали то вверх, то вниз и суетились всевозможным образом, стараясь устрашить подвижника Христова, но он молитвой и знаменем Животворящего Креста разогнал все бесовские мечтания. На третью ночь мечтания вражеские уменьшились,

а на четвертую и вовсе прекратились, но зато вместо всех страхований напала на него грусть и тоска, которые подобно тяжелому гнету давили его сердце. Дождавшись утра, Афанасий рассказал старцу о своей скорби. Старец увидел козни диавола, который воздвиг на него брань уже не призраками и страхованиями, а поселил в его сердце скуку и тоску, думая этим ввергнуть Афанасия в отчаяние. Поэтому старец посоветовал ему выйти из затвора и жить вместе с братией, где скуке и тоске не будет места, или же хотел и сам жить вместе с ним в башне. Но Афанасий не пожелал выйти из затвора и сказал ему:

– Не выйду из башни до тех пор, пока помощью Божией не одержу победы над врагом, а также не благоволю и тебе жить вместе со мною: так как я решился один бороться с врагом, то и надеюсь, что Всесильный Бог поможет мне побороть его.

Затем в следующую ночь, а потом в другую за ней он не стал уже более ощущать тоски, и таким образом прошло три недели Великого поста. На четвертую неделю, Средокрестную, игумен призвал его в монастырь и постриг в ангельский образ, с именем Агафангела, а после Божественной литургии он снова возвратился в башню, облеченный во всеоружие и

укрепленный Божественными Тайнами Тела и Крови Христовых. С этого времени лицо его сияло каким-то Божественным светом, а в сердце царили мир, радость и любовь к Иисусу Христу. Сидя в башне, он нашел там старые цепи, которые надел на тело, а оказавшийся там же волосяной мешок носил вместо рубашки; при этом умножил и число поклонов, назначенных ему старцем, которых в течение суток полагал по три тысячи земных, читал Священное Евангелие, акафист Пресвятой Богородице и проходил умную Иисусову молитву. В свободное же от молитвы время он любил читать книги о подвигах святых мучеников, вследствие чего он еще более укрепился мыслью пролить свою кровь за исповедание христианской веры и просил старца как можно скорее отправить его на мучение. Но старец, совместно с игуменом, не решались отпустить Агафангела на мученический подвиг до тех пор, пока не откроет Сам Бог, есть ли на то Его святая воля. Для этого было заповедано игуменом всей братии, чтобы они каждый в своей келье в назначенную ночь совершили продолжительную молитву и со смирением просили бы у Бога откровения указать, есть ли всесвятая Его воля на то, чтобы отпустить Агафангела на мученический подвиг. Но Господь в ту же ночь

открыл игумену Свою благую волю таким образом: после продолжительной молитвы игумен прилег отдохнуть, и когда забылся сном, то ему представилось, будто он с Германом и Агафангелом отправились куда-то в путь. На пути встретились они с боголепным старцем, который похож лицом был на Святителя Николая, как обыкновенно он изображается на св. иконах. Сей боголепный старец, подошедши к игумену, спросил его:

– Кто из них хочет идти на мучение?

– Вот этот юноша, – указав рукой на Агафангела, отвечал игумен.

В это время Агафангел приблизился к святому старцу, поклонился ему до земли и облобызал его руку. Святой старец сказал ему:

– Доброго дела ты пожелал, чадо! Итак, поспеши же исполнить твое желание, в котором поможет и укрепит тебя Бог, скончать течение со славой.

Поутру игумен рассказал братии свое видение, из коего познал волю Божию, и с этого дня стал готовить все нужное для путешествия.

Мысль о мучении, запавшая в юное сердце Агафангела, все более и более разгоралась, так что он день и ночь был занят ей, а потому желал как можно скорее совершить подвиг мученичества. Как бы для исполнения его желания, по Божию усмотрению, Агафангелу

представилось, будто он вылетел из дверей башни и потом направил путь в Смирну. Из этого он уразумел, что Промыслу Божию угодно, дабы Смирна была избрана им для мученических подвигов. Почему тотчас же пошел к старцу, рассказал ему все с ним случившееся и стал умолять отправить его в Смирну для подъятия мученических подвигов.

В это время старец по совету игумена уже более не стал отклонять Агафангела от мысли пострадать за Христа, а велел ему готовиться в путь, и только ожидали судно, которое бы плыло в Смирну. По Божию смотрению, вскоре к пристани, где находилась Есфигменская обитель, пристало большое судно, шедшее из острова Хиоса в Смирну. От матросов узнали, что они на другой же день отправляются в Смирну, но так как в этот день была Пасха, то игумен со старцем Германом стал просить начальника судна пробыть этот день в пристани, ради великого дня. К общей радости начальник согласился, а на другой день, т.е. в понедельник, Агафангел был пострижен в схиму и с напутственной молитвой и благословением отправлен на судно вместе со старцем Германом.

Когда приближалось судно к Смирне, до которой оставалось уже небольшое расстояние, в

это время Агафангел, пробудившись от легкого сна, сделался печальным и тихо плачущим. Заметив столь резкую перемену в своем ученике, Герман смутился и не знал, чему приписать душевное его смущение. На все вопросы старца Агафангел как бы не обращал внимания, отвечал ему кратко и просил оставить его в покое. Убоявшись такой перемены, старец, желая проникнуть в сердце смущенного ученика, с отеческой заботливостью и с ласковыми словами настойчиво спрашивал о его смущенном состоянии. Тогда Агафангел сказал ему:

– Отче! Причина, которая смутила меня и поколебала мое сердце та, что явился мне святой преподобномученик Евфимий¹¹⁹, обнял меня и, лобызая, сказал: «Пришло время». Итак, явление преподобномученика означает то, что наконец Господь сподобит меня принять мученическую кончину, но при этом меня смущает мысль: безбедно ли пройдет моя душа воздушные мытарства, имея бесчисленные грехи?

– Брат, – сказал ему старец, – видение твое истинно, но помысл твой произошел от ненавистника спасения человеческого, дьявола, который, смутив тебя, желает посеять в твоём сердце боязнь, затем ввергнуть в отчаяние, и тогда уже трудно вырваться из его когтей. Но

знай, что князи воздушных мытарств не только не могут задержать ту душу, которая разлучилась с телом мученической кончиной, но даже не смеют и приблизиться к ней. После сих утешительных слов Агафангел успокоился и вместо темного облака, нашедшего на него по действию диавола, воссиял радостный луч благодатного утешения, который резко отпечатлевался на его лице. Между тем, они благополучно пристали к берегам Смирны и, высадившись, остановились в доме у одного знакомого христианина, именем Константина.

Когда настал день, в который произвольный мученик должен был отдать себя на мучение, тогда сняли с него всю иноческую одежду и одели в турецкую, и после напутственной молитвы Агафангел с сияющим радостью лицом пошел в судилище, где безбоязненно предстал пред судьями, и на вопрос их, что ему нужно, Агафангел отвечал:

– Я имею тяжёбное дело с капитаном Мехметом (прежним своим хозяином), а потому желаю, чтобы вы его вызвали сюда в суд и решили бы оно.

Когда приведен был Мехмет и стал пред судьями, тогда Агафангел, обратившись к ним, сказал:

– Судьи! В то время, когда я поступил в услужение к этому господину, я был христианином, но он угрозами и покушением на мою жизнь насильственным образом заставил меня отречься от христианской и принять мусульманскую веру. Теперь же, по великой милости Спасителя моего Иисуса Христа, я опять всем сердцем моим верую в Него и исповедую Его истинным Богом, – говоря это, он вынул из-за пазухи Крест и, подняв его вверх, сказал, – а это непреоборимое оружие всех христиан, ибо на нем распят был Господь наш Иисус Христос. Верующие в Него наследуют Царство Небесное, а неверующие будут осуждены в муку вечную!

Вырвавши Крест из рук мученика, судьи начали укорять его и советовали ему, познав свое заблуждение, приобщиться опять к мусульманской вере. Но святой мученик, вынув из-за пазухи малое изображение воскресения Христова, громко воскликнул:

– На таком кресте, который вы отняли у меня, был распят плотью Господь наш Иисус Христос, а вот таким образом Он воскрес из мертвых, а равно и в день всеобщего воскресения Он также воскресит верующих для получения Царства Небесного, которое уготовано от сотворения мира верующим в Него!

Подобно Животворящему Кресту, и это изображение воскресения Христова было отобрано предстоящими слугами, и судьи, сочтя святого Агафангела помешанным в уме, приказали вывести в другую комнату, где усердные служители Магомета разными льстивыми словами и обещаниями чинов и богатства старались отклонить его от веры в Иисуса Христа. Христов же страдалец, как твердый адамант, непоколебимо стоял в своем исповедании и с пренебрежением отринул все их почести и богатство. Но однако и обольстители Магомета, не желая выпустить жертву из своих когтей, принесли груды золота и разных дорогих одежд и уверяли мученика, что это отдадут ему, если он опять уверует в Магомета. Но святой Агафангел, вменяя все в уметы, чтобы только приобрести Христа, кротко отвечал:

– Ничем вы меня не прельстите, все ваше богатство, честь и слава, которые вы мне предлагаете, да будут вам в погибель: я исповедую истинного Бога Иисуса Христа, горю к Нему любовью и готов положить свою душу за имя Его святое.

Видя, что ласки и обещания всех благ не действуют на св. мученика, судьи приказали его опять привести к себе и уже стали угрожать ему

разными муками и безчестной смертью и советовали выбирать одно из двух: или честь и богатство, или различные горькие муки.

– Этим вы меня несколько не устрасите, – отвечал святой исповедник, – напротив, с радостью желаю пострадать за Господа моего Иисуса Христа и, очистившись своей кровью, чистым явиться пред лицом Бога моего, от Которого отвергся страха ради; притом знайте, судьи, что великую мне окажете любовь, если сейчас же прикажете меня мучить.

О, блаженный язык! Прозвучавшее в наше скудное время такое исповедание веры в Господа нашего Иисуса Христа! О, ум пребожественный и твердый! О, руки всечестные, возвысившие честный крест и воскресение Христово с таким мужеством пред лукавым собранием! Какие нестерпимые раны нанесли вы злым демонам! О, душа мужественная, не прельщающаяся земными благами, – за это тебе Христос готовит вечное блаженство!

Судьи, видя твердость мученика и потеряв всякую надежду убедить его лестными словами, приказали его раздеть и связать; в это время один из слуг сильно ударил в ланиту святого. Но верный раб Законоположителя, подражая Его Божественной заповеди, подставил варвару и

другую. После этого отвели мученика к правителю города Муселиму, а так как в этот день Муселим делами не занимался, то мученика принял в свое распоряжение его наместник, который сперва начал исповедника Христова увещевать лестными словами и разными обещаниями, но видя, что он твердо и непоколебимо стоит в своем исповедании, приказал своим слугам забить ноги святого мученика в колоды и, наложив на него тяжелую цепь, ввергнуть в темницу, в которой, кроме него, содержались невинно два христианина.

На другой день Муселим, узнав о мученике, был недоволен тем, что его раздели в судилище и прислали к нему в одной сорочке, а потому приказал отвести его в судилище, одеть его в одежду и тогда уже представить к нему. Дорогой слуги Муселима всячески поносили святого и несколько раз ставили его на колени и, желая его утратить, размахивали над его головой мечом, как бы для усечения, но исповедник Христов безбоязненно и с радостным лицом ожидал смертельного удара. После всего этого подвижник Христов был введен в судилище, где его одели в прежнюю одежду и потом отправили обратно к Муселиму. Но, однако, и Муселим не мог поколебать святого, и все его обещания мученик отринул с пренебрежением. На другой

день до исповедника Христова, сидевшего в темнице, дошел слух, что о нем некий хиосский христианин Афанасий хлопочет пред Муселимом об освобождении. На это святой оскорбился и тотчас написал письмо к оному Афанасию, прося его оставить ходатайство, а вместо оногo просил, чтобы сотворили за него общую молитву, дабы Бог укрепил его в мученическом подвиге. Вследствие этого письма все смирнские христиане в приблизившуюся ночь совершили в храмах Божиих усердную о святом мученике молитву.

В то же самое время, когда от благочестивых христиан шла о мученике Агафангеле усердная молитва, в темнице, где он содержался, происходило другое действие. Так, в глубокий вечер вошли в темницу несколько чародеев, которые, сняв со святого сорочку, всю ночь производили над ней чары, а поутру приказали мученику надеть ее. Страстотерпец оградил себя крестным знамением и без всякого смущения надел ее. Прошло несколько томительных часов, в которые чародеи ожидали действия своих чар, но не видя никакой перемены со святым мучеником, со стыдом удалились из темницы. Когда святой мученик Агафангел остался один со своими товарищами-узниками, склонился к земле и предался легкому

сну, то вскоре вдруг встал и, обратившись к своим товарищам, сказал:

– Братия мои, возрадуйтесь со мной, ибо сегодня в пятом часу меня обезглавят!

Пророчество святого исполнилось в точности, ибо около четырех часов пришли в темницу воины и, связав его, повели в судилище.

Когда предстал святой исповедник Христов пред судьями, тогда они опять начали обольщать его разными обещаниями, чинами и богатством, но, видя твердость святого против всех коварств, повелели отрубить ему голову. Тогда палачи взяли его и повели на место казни, которая должна была совершиться против мечети Асар. Здесь святой мученик Христов Агафангел, преклонив колена и опустив глаза вниз, душой молился Отцу Небесному, ожидая мечного посечения. Потом, обратившись к палачу, сказал: «Что же медлишь и не совершаешь повеленное?» Тогда палач взмахнул мечом, и честная глава страстотерпца Христова отделилась от тела, и таким образом совершилась мученическая кончина святого преподобномученика Агафангела, 19 апреля 1819 г., в субботу, в шестой час дня по восточному, т.е. в полдень, на 19-м году от рождения, и как благоприятная жертва,

очищенная своей кровью, предстал он пред престолом Божиим чист, свят и непорочен.

Последователи Магомета, зная, что христиане с благоговением и верой не только чествуют мощи святых мучеников, но даже собирают в платки и полотенца кровь, которая после посечения обогрела землю, а потому, желая лишить собравшихся здесь во множестве христиан сего неоцененного сокровища, приготовили красильщиков для той цели, чтобы они, когда будет у святого мученика отрублена голова, вылили бы из заранее приготовленных сосудов воду на то место, куда брызнет кровь. В числе красильщиков был один христианин, который в тот момент, когда обезглавили святого мученика, с умыслом нагнулся; в это время у него с головы упало на голову мученика покрывало, в которое он успел собрать кровь исповедника Христова, а находившееся на сем позорище христиане вырвали из его рук покрывало и, немедленно разорвав, разделили между собой и с радостными криками возвращались в дома свои, славя Христа Бога, укрепляющего святых Своих. После кончины преподобномученика Агафангела святые его мощи три дня находились на открытом воздухе под охраной воинов, которые, между прочим, не препятствовали христианам приближаться к

ним и воздавать ему должную честь. Причина тому была та, что в первую же ночь после усечения честной главы святого мученика воины, которые в это время были на страже, видели, что мощи преподобномученика находились в сидячем положении, потом встали на ноги и в продолжение трех часов три раза становились и падали. Вследствие этого чуда воины не препятствовали христианам подходить к телу святого мученика и лобызать оное, от которого исходило райское благоухание, и оно лежало как живое, что удивило и привело в смущение врагов христианской Церкви, а потому они, боясь могущего произойти еще какого-либо большего чуда, решили бросить тело святого преподобномученика Агафангела в море. Весть о готовившемся потоплении святых мощей мученика Христова быстро распространилась по всему городу; при этом хозяева кораблей, стоявших в смирнской гавани, услышав о потоплении тела святого, расположились кораблями цепью вдоль берега, чтобы воспрепятствовать потоплению драгоценного сокровища. Мусульмане, видя необыкновенное усердие и веру христиан к святому мученику и притом боясь возмущения, решили продать им святые мощи.

Христиане, купив сие неоцененное сокровище – тело святого преподобномученика Агафангела, – с честью и торжеством перенесли его в церковь святого великомученика Георгия и положили в гробе святого мученика Дима, пострадавшего 408 лет назад тому.

Оставшиеся окровавленные одежды святого мученика, а также и палец, который отрезан был служителем градского правителя, были приобретены за плату вышеупомянутым Афанасием, который одежду святого отдал старцу Герману, а палец оставил у себя как святыню, и, таким образом, с драгоценным сокровищем Афанасий отправился домой на остров Хиос, где к прискорбию своему нашел сына своего больным, который при всех испытанных врачами средствах не подавал никакой надежды на выздоровление. Но лишь только отец больного, Афанасий, положил на него палец святого мученика Агафангела и часть окровавленной его одежды, больной тотчас встал совершенно здоровым. Старец же Герман с одеждой святого отплыл на св. Афонскую Гору, и когда корабль приближался к Афону, на море поднялась сильная буря. В это время к Герману, лежащему в каюте без чувств от сильной качки, явился святой мученик Агафангел, у которого

лицо сияло небесным светом. Герман спросил его:

– Брат Агафангел, куда ты идешь?

– В наш монастырь, – с ангельской улыбкой отвечал Агафангел.

– Разве ты не умер? – опять спросил его Герман.

– Нет, не умер, а жив, как видишь.

Когда Герман пришел в себя, тотчас рассказал находящимся на корабле о видении им святого преподобномученика Агафангела. Видение это воодушевило всех пльвших, и они благодарили Бога и Его угодника, которого молитвами море вскоре утихло, а чрез три часа корабль благополучно пристал к св. Афонской Горе.

Высадившись из корабля, Герман тотчас дал знать в Есфигменскую обитель о своем прибытии с одеждами святого мученика. Игумен же со всей братией с честью встретил окровавленную одежду, как бы самого мученика, и положил оную в церкви вместе с частями святых мощей разных святых, славяще и благодаряще Бога, укрепившего молодого юношу в мученическом подвиге и удостоившего принять нетленный венец. Молитвами святого преподобномученика Агафангела, Христе Боже наш, подаждь и нам помощь победить козни вселукавого врага, воюющего с нами, и сподоби нас получить Царство Небесное. Аминь.

Мощи святого преподобномученика Агафангела недолго оставались во гробе святого мученика Дима. Через пять месяцев после мученической его кончины был открыт гроб святого, вынуты из него мощи, положены в особый ковчег и потом поставлены в сосудохранилище при церкви святого великомученика Георгия.

В 1844 году игумен обители Есфигменской, Агафангел, вместе с братией, движимый усердием к святому Агафангелу и желая иметь в своей обители, которая удостоилась воспитать мученика Христова, святые его мощи, послал для сего в Смирну с просительной грамотой к тамошнему епископу Афанасию вместе с гражданами иеромонаха Макария. Епископ и граждане с любовью согласились поделить святыней и отдали иеромонаху Макарию главу преподобномученика Агафангела с правой рукой и ногой, которые с честью были перенесены на Афонскую Гору в Есфигменский монастырь, остальные же части честных мощей оставили в церкви святого великомученика Георгия, в освящение града.

* * *

114

Извлечено из книжки, заключающей в себе службу и жизнь сего преподобного, напечатанной в Смирне 1646 года.

115

С рукописи Есфигменского монастыря.

116

Иеромонах Герман – один из лучших современных богословов. Он скончался в 1851 году, оставив после себя много прекрасных произведений своего пера. Желая ближе ознакомиться с этим замечательным старцем пусть читает о нем в письмах г. Муравьева, видевшего его при своем посещении Афонской святыни (См. его «Письма с Востока» 7. 6. стр. 219–221).

117

См. их жизнеописания: Евфимия – 21 марта, Акакия – 1 мая, Игнатия – 20 октября.

118

См. его жизнеописание 4 января.

119

См. житие его 21 марта.

